

Николай
Пернай

Метаморфозы
любви

Николай Васильевич Пернай

Метаморфозы Любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74404046

ISBN 978-5-00269-618-5

Аннотация

Автор – человек из поколения детей войны. Прожив долгую и нелегкую жизнь, он на склоне лет по-прежнему, как в молодые годы, влюблен в процесс жизни, несмотря на некоторые черные стороны этого процесса.

Всю свою сознательную жизнь он пытался разгадать загадки: что такое Любовь, откуда и как в человеке рождается и растет Любовь к родным и близким, Любовь к миру и Любовь к жизни? Каковы пути Любви? Какие пути ведут к Любви?

Опираясь на собственный опыт и опыт близких людей, на научные данные, автор пытается ответить на некоторые из этих вопросов.

Содержит нецензурную брань

Содержание

Предисловие	5
Любовь – явление космическое...	7
Детство и отрочество	18
Джезказган	63
За черным окном – море тюльпанов[1]	65
Конец ознакомительного фрагмента.	74

**Пернай Николай
Васильевич**

Метаморфозы любви

© Пернай Н.В., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие

Почти всю свою жизнь, в детстве, отрочестве, юности и нередко в зрелые годы, я был подвержен различным заболеваниям. Несмотря на слабое здоровье, прожил вот уже 86 лет и, хотя сегодня я – почти калека (артроз, ноги плохо ходят) и борюсь со множеством болезней (гипертония, стенокардия, подагра, панкреатит, частичная глухота и проч.), все же намерен еще пожить столько, сколько будет мне отпущено. Пока ощущаю в себе некоторый запас жизненной энергии (которая в моих последних работах названа *энергией Любви*). Давно уже наступил вечер в моей жизни, но, сравнивая себя со многими людьми, я ощущаю удовлетворенность: по-прежнему, как в молодые годы, я влюблен в *процесс жизни*, несмотря на некоторые слишком мутные стороны этого процесса и черные мерзости.

Видно, все же было нечто такое, что жило во мне все годы существования, поддерживая и укрепляя меня и неизменно возрастая, – Любовь. Любовь к матери, родным, жене, детям, ученикам, коллегам, к работе. Любовь к природе-матушке, к братьям нашим меньшим. Любовь к жизни. В научном мире такое явление называют *биофилией* – тяготением жизни к жизни.

Как и прежде я пытаюсь разгадать загадки: что такое Любовь, откуда и как в человеке рождается и растет Любовь к

родным и близким, Любовь к миру и Любовь к жизни? Каковы пути Любви? Какие пути ведут к Любви?

Первопричину вижу в тех импульсах Любви, которыми Судьба одарила меня с первых лет жизни. Беглый анализ прожитой жизни показывает, что с годами, по мере преодоления многочисленных трудностей и приобретения опыта моя жизненная энергия (энергия Любви) не иссякала, а понемногу прибавлялась.

Предположения о сущности Любви, изложенные ниже, являются чисто теоретическими, но они опираются на обширный и разнообразный практический опыт, в том числе опыт по реализации педагогики, названной *педагогией Любви*.

Эта книга – не столько книга рассказов о былом и пережитом, сколько книга раздумий о том, какие события происходили со мной и моими близкими в критически важные промежутки жизни и как эти события повлияли на наше интеллектуальное и духовное развитие.

Любовь – явление космическое...

Гипотеза

Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога.

*Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь.
[Ин 4:7–8]*

Квантовая механика в настоящее время вносит в мир науки значительное число идей об устройстве и функционировании нашего Мироздания. Среди них первостепенной является теорема Белла.

В 1965 году доктор Джон Стюарт Белл опубликовал работу, которую физики кратко называют «теоремой Белла».

Теорема Белла имеет отношение к сложным техническим системам, однако ее можно сформулировать и на обычном языке: не существует изолированных систем; каждая частица Вселенной находится в «мгновенной» (превышающей скорость света) связи со всеми остальными частицами. Вся Система, даже если ее части разделены огромными расстояниями, функционирует как Единая Система.

Из теоремы Белла следует, что если некоторая объективная Вселенная существует, и если уравнения квантовой ме-

ханики структурно подобны (изоморфны) этой Вселенной, то некоторый вид нелокальной связи существует между двумя частицами, когда-либо входящими в контакт.

Эксперименты выводы Белла подтвердили. Бывшие в контакте энергетические частицы ведут себя как единый объект. Причем взаимное влияние этих частиц распространяется не только через известные науке физические взаимодействия, имеющие конечную скорость, но и происходит мгновенно.

Крайне важной является идея об изоморфности Вселенной, о том, что Вселенная – это Единая Система, в которой каждая частица находится в «мгновенной» связи со всеми остальными частицами.

В связи с этим меня возникло такое ассоциативное предположение: если Разум (Сознание) каждого человека является частью Разума (Сознания) Вселенной, то он должен быть изоморфен Разуму последнего и функционировать так же. Полагаю, что в связи с этим принцип неопределенности Гейзенберга должен быть распространен не только на квантовый микромир, но и на всю Вселенную и на Разум (Сознание) Вселенной и, конечно, на Разум каждого человека. Можно также предположить, что пути развития в отдаленном будущем как отдельного человека, так и нашей цивилизации и Разума Вселенной не могут быть определены достаточно точно. Они неопределенны и непредсказуемы.

Однако возникает вопрос: что же может быть основой

изоморфизма Вселенной? Если предположить (как это делали древние мыслители, или эзотерики), что основой самой Вселенной (в том числе ее изоморфизма) является *думающая материя*, или, выражаясь эзотерическим языком, «*духоматерия*», тогда мы неизбежно придем к выводу, что у Вселенной имеется Разум (Сознание), а Бог (Аллах, Брахман, Всевышний) есть не что иное, как Вселенная, обладающая Разумом (Сознанием).

(О Разуме Вселенной необходимо сделать особые пояснения. Было бы весьма странным, нелогичным (и ненаучным!) предположение о том, что Великая Мать-Природа в ходе дарвиновской Эволюции в течение многих миллиардов лет смогла создать многочисленные виды разумных существ как с примитивным, так и развитым мозгом (в том числе Homo sapiens), но сама при этом была инертна, безмозгла и неразумна. Так не могло быть. Конечно же, в ходе Эволюции вместе с развитием различных форм и видов разумной объективной реальности не мог не сформироваться *Вселенский Разум*.)

Бог (Вселенная) есть средоточие жизни. Все, что входит в состав Вселенной есть, на мой взгляд, жизнь. То есть Бог есть не только любовь, как сказано в Библии, *Бог есть сама жизнь*. И все, что свойственно жизни, свойственно и Богу. Так же, как любые формы жизни, Бог (Аллах, Абсолют, Брахман) может пребывать в состояниях эволюции или инволюции (индуисты называют такие состояния Днями и Но-

чами Браммы). Однако цели развития, то есть цели эволюции и инволюции, Бог, по-видимому, не ставит.

Невозможно также представить, чтобы Разум Вселенной не участвовал в процессе Эволюции.

Простая логика подсказывает, что *Разум содержится во всей объективной реальности (проявленных и непроявленных мирах), от микрочастиц квантового мира до макромира Вселенной.*

Моя гипотеза такова:

– *Бог – это сама Вселенная, все миры Вселенной с при-
сущим им Разумом Вселенной; Бог – это Всё-Что-Бы-
ло-Есть-и-Будет; Бог – это Всё-Что-Проявлено-и-Непро-
явлено;*

– перефразируя «Тайную Доктрину» Е. П. Блаватской, можно утверждать, что *сознание* (Дух, Разум Вселенной) и *материя* не есть две независимые реальности, но как два аспекта Бога (Вселенной) составляют основу бытия – *духоматерию;*

– так же как сознание является свойством материи, так и *Сознание (Разум) Вселенной* извечно было и является свойством проявленных и непроявленных миров Вселенной;

– поскольку все миры, все сущности и явления миров, все богоподобные существа, в том числе и человек, *являются частью Единого Бога (Вселенной),* то всё это множество миров, сущностей и явлений должно обладать *едиными каче-
ствами,* и действия всех сущностей и явлений должны под-

чиняться *единым* законам;

– Бог есть самосозидающаяся, саморазвивающаяся и саморазрушающаяся сущность, творя мир, разрушая одно и создавая другое, Бог не просто однообразно повторяет свои «Дни и Ночи Брамы», Он эволюционирует и самосовершенствует Самого Себя;

– Бог, вопреки приписываемым ему многими религиями антропоморфным характеристикам, не может быть ни милосердным, ни страшным, ни прощающим, ни мстительным, ни добрым, ни злым;

– Бог не может **управлять** миром на основе своей *воли*, как некий всемогущий монарх. Он может только непременно выполнять **незыблемые вселенские законы**, которым подчиняются все процессы развития Мироздания: *Закон кармы (Закон причин и следствий), Закон любви, Закон притяжения, Закон равноценности двух начал, Закон целесообразности, Закон эволюции* и многие другие. Человек как частица и подобие Бога тоже не может своевольничать и нарушать вселенские законы;

– Бог не может не стремиться к **познанию Самого Себя**; человек, будучи малой Его частицей, тоже стремится к познанию самого себя и окружающего мира и тем самым способствует собственному познанию Бога и познанию Богом Самого Себя;

– не существует никаких доказательств того, что жизнь Номо sapiens имеет какой-то особый смысл. Но, возможно,

она имеет тот смысл, которым мы сами её наделяем;

– если же допустить, что *Homo sapiens* искусственно создан высокоразвитыми существами, которые нашими предками были названы *богами*, то в таком случае нам, людям, следует приложить значительные усилия для совершенствования своих интеллектуальных, духовных, физических и метафизических потенций для того, чтобы стать полноценными *сотрудниками Вселенной*.

После этого, опираясь на евангельское изречение апостола Иоанна о том, что «Бог есть Любовь», можно предположить, что духоматерия Вселенной и есть Любовь, или Бог.

Что такое – эта Любовь?

Обратимся снова к квантовой физике:

«Все живые существа и всё, что нас окружает, то, что вы считаете своей реальностью, состоит из атомов. Значительную часть этих атомов составляет пустота. Сегодня, благодаря развитию технологий ученые доказали, что атом состоит на 99,99999 % из энергии и на 0,00001 % из материи. Можно сказать, что материя – это скорее ничто (энергия), чем что-то (частицы).

Физики обнаружили, что сам факт наблюдения человеком за бесконечно малыми частицами атома влияет на поведение энергии и материи этих частиц. Другими словами, электроны атома существуют в виде бесконечности возможностей или вероятностей в невидимом энергетическом

поле.

Это говорит о том, что частица не может проявиться в реальности пространства-времени, какой вы ее знаете, пока за ней не начнут наблюдать. Это квантовая физика! Только когда наблюдатель ищет электрон, находится конкретная точка в пространстве и времени, где все возможности электрона сводятся к этому физическому событию – наблюдению. Именно исходя из этой теории разум и материя (ваш мозг) больше не рассматриваются как отдельные явления, – они неразрывно связаны между собой».

*«Итак, частицы находятся в состоянии волны (помните, что они на 99,99999 % состоят из энергии), пока их не наблюдают. Таким образом, потенциально они всё и ничего, пока их не наблюдают. Они везде и нигде, пока их не наблюдают. **Всё, что существует в вашей физической реальности, существует в виде чистого потенциала».***

*«Дело в том, что для квантовой физики ваши мысли и эмоции не исключение. **Мысли и эмоции обладают электромагнитным сигналом. Думая, вы посылаете электрический сигнал в квантовое поле, и эта мысль влияет на то, что вы чувствуете».** [Антон Бахареv. Могут ли мысли материализоваться? – <https://blog.mann-ivanov-farber.ru/author/anton-baharev/>]*

Я предполагаю, что так же, как мысли и эмоции, Любовь есть явление энергетическое. Возможно, энергия Любви – не электромагнитная, а какая-то иная, пока неизвестная че-

ловечеству (учение Агни Йоги утверждает, что это может быть *энергия психическая*, но о ней мы тоже пока ничего не знаем). Иначе говоря, суть моей гипотезы сводится к тому, что Любовь – это явление космическое, присущее Вселенной с её Разумом (Сознанием) (или по-иному: Любовь составляет основу сущности Вселенной (Бога) и обладает энергетическим потенциалом). Как любые явления Вселенной, Любовь обладает биполярными свойствами (со знаками «+» и «–»), например: инь и ян, женское и мужское начало, свет и тьма и т. п.

Подводя итоги сказанному, сформулируем некоторые положения нашей рабочей гипотезы:

– *Любовь* проявляется в виде *потока жизненной энергии (ци)*, или *интегральной энергии Любви*, или *жизненной энергии*, образованной в процессе взаимодействия двух противоположных, но взаимосвязанных энергетических источников: источника энергии *Любви*, условно называемого нами «положительным» и источника энергии *ненависти (агрессивности, вражды)*, условно называемого нами «отрицательным»;

– Любовь, симпатия, приязнь, эмпатия, влечение к другому субъекту являются такими же естественными проявлениями жизненной энергии, как враждебность, агрессивность, неприязнь и ненависть;

– Любовь, или интегральная энергия Любви, или жизненная энергия есть *всена начальная, или первородная энергия*,

которая является одной из первопричин эволюции жизни и Вселенной;

- Любовь (интегральная энергия любви, жизненная энергия) присуща человеку с самого момента его рождения;

- человек тоже является *генератором жизненной энергии (Любви)*;

- интегральная энергия Любви (жизненная энергия) у каждого человека по мере его развития может либо возрастать, либо угасать; во многом этот процесс зависит от самого человека;

- поток первородной жизненной энергии (Любви), движущейся по непредписанному и непредсказуемому *Пути (Дао)*, является животворящим потоком, который, если верить даосам, герметикам и Агни Йоге, пронизывает Вселенную, всю живую материю и поддерживает жизнь и здоровье в каждом человеке;

- поток интегральной энергии Любви (жизненной энергии) одного человека оказывает *биоэнергоинформационное воздействие* на других людей. Биоэнергоинформационное воздействие интегральной энергии Любви (жизненной энергии) на других людей и существ проявляется комплексно и одновременно как в виде «положительных», так и «отрицательных» (условно говоря) чувств, эмоций, произнесенных слов, мимики, взглядов, тактильных прикосновений, физических взаимодействий, запахов, биотоков и прочих способов и средств. При этом воздействие силы с преобладаю-

щим «положительным» потенциалом проявляется преимущественно в виде Любви, симпатии, приязни, дружелюбия, миролюбия, а при воздействии силы с «отрицательным» потенциалом проявляется неприязнь, враждебность, агрессивность. Однако как не бывает Любви без агрессивности и ненависти, так и агрессивности и ненависти не бывает без Любви. Поэтому в каждом «положительном» воздействии может содержаться зародыш «отрицательного» и, наоборот, каждое «отрицательное» воздействие не обходится без «положительного».

Учитывая энергетическую основу Любви, мы даем такое определение: **Любовь** (*интегральная энергия Любви, жизненная энергия*) – это энергетический потенциал субъекта, который проявляется в виде как «положительных», так и «отрицательных» эманаций, посредством которых он воздействует на других людей и существ в процессе биоэнергоинформационных контактов. Любовь проявляется в тяготении к другому субъекту, в интеграции с его энергией любви и направлении суммарной жизненной энергии на удовлетворение инстинктов (самосохранения, сексуального инстинкта, заботы о потомстве, общения), духовных потребностей, потребности в самореализации и, в конечном итоге, – на получение удовлетворения от самого процесса взаимодействия и соединения субъектов. Вследствие действия сил Любви происходят созидательные процессы: упорядочивается и гармонизируется мир, улучшается организация,

эволюционные процессы получают положительные импульсы, уменьшается энтропия жизненного пространства. Взаимодействие любящих субъектов усиливает эффект синергии, в результате чего увеличивается суммарный потенциал их жизненной энергии. Поскольку Любовь (жизненная энергия), наряду с положительным несет в себе и отрицательный потенциал, между любящими людьми временами возможны и проявления ненависти и агрессивности, что может приводить к ссорам, размолвкам и враждебным действиям.

Впервые эта гипотеза была изложена мною в книге «Дао Любви. Этюды» [Пернай Николай. Дао Любви. Этюды.— М.: Алгоритм, 2020]. Там же было предложено называть человека, обладающего большим запасом жизненной энергии (энергии Любви) *Человеком любящим (Homo amans)*.

Поток Любви невозможно отследить и отобразить от начала (ибо никто точно не знает, где он начинается) и до конца (ибо предполагается, что этот поток не иссякает и после смерти человека). Поэтому в настоящей книге я попытаюсь осмыслить только отдельные наиболее значимые эпизоды Любви, пережитые мною и моими товарищами и родными.

Детство и отрочество

1940–1955

Вероятно, все начинается с рождения, но я, конечно, помнить это не могу. Зато я хорошо помню, что в моем раннем детстве я был окружен всеобщей любовью.

Любовь исходила от конкретных людей.

Прежде всего – от матери. Казалось бы, что может дать ребенку простая, совсем неграмотная крестьянка? Неграмотными она, Евдокия, и старшая ее сестра Мафта были по той причине, что в их деревне Маленцы (Хотинского уезда Черновицкой губернии) не было школы. При переезде в большое бессарабское село Молдаванка все младшие дети (всего детей в семье было семеро) выучились чтению и письму, но старшим было уже не до учебы. Отец же их, мой дедушка Харламбий Фрасинюк, был не только грамотным, но хорошо знал Библию и был пресвитером в сельской баптистской общине. И родители, и дети были глубоко верующими людьми. В старые времена евангельских христиан баптистов бессарабцы называли «крединчос» (верующие), и они отличались от православных христиан и католиков тем, что не поклонялись иконам и скульптурным изображениям Бога и

святых, не пили вина, не курили табак, не сквернословили, крестились только в совершеннолетнем возрасте, соблюдали все посты и трудились как заповедано «в поте лица своего». Позднее от теток (матуш) я узнал, что в их большой семье все, в том числе дети, с малых лет трудились в поле или пасли скот, жили бедно, но не голодали, раз в неделю ходили «на собрания» (в баптистскую церковь), дома царил дух патриархальной семьи: безусловное послушание отцу, спокойствие, взаимное уважение и любовь; в семье Фрасинюков никто не только не ругался матом, но вообще никто никогда не ругался. Дедушка Харламий был среднего роста, коренаст, с совсем белой головой, краснолицый, как многие крестьяне, и сильно конопатый (я видел его всего один раз в 45-м году); голос у него был негромкий, и он никогда его не повышал, даже во время проповедей в церкви. Вот в такой семье росла и воспитывалась моя мать. Думаю, что именно в семье своей она приобрела то спокойствие и любовное отношение к родным, которые потом передались и мне.

В детстве, особенно лет в 6–7, после возвращения в 46-м году «с войны» моего отца (который однажды засомневался в том, что я его сын), я не раз страдал от того, что обличьем своим не был похож на своих родителей. Но мама уверяла и меня, и своего сомневающегося мужа, в том, что я полностью похож на деда Харлампия и такой же «веснянкуватый» (конопатый), каким был дед.

Мы с матерью долго жили без отца – почти с самого моего

рождения (40-й год) и до весны 46-го. То его, молодого призывника, сразу после женитьбы забрали «в кочентраре» (румынскую армию), то он в поисках работы завербовался на угольные шахты в Донбасс (откуда, не солоно хлебавши сбежал и вернулся домой в Бельцы в рваных штанах и сорочке, в кармашке которой было полно вшей); потом началась война, и его мобилизовали в Красную Армию. И мы привыкли жить без отца.

После переезда из села Молдаванки (где я родился) в город Бельцы мы жили в небольшом однокомнатном саманном домике с сениями, в которых обычно держали поросёнка. Еще был слепленный матерью из ивовых прутьев и глины курятник, в котором обитало несколько курочек с петухом. Огородик – сотки четыре – кормил нас: картошка, капуста, морковь, лук, чеснок, огурцы, свекла, петрушка, укроп, перец и прочая мелочь. Чтобы заработать пару-тройку мешков пшеницы для выпечки хлеба и кукурузы для варки мамалыги матери приходилось батрачить у хозяев, которые «держали землю». В то время большая часть земли Бессарабии принадлежала румынским латифундистам, а немногие бессарабцы, из тех, кто «держал землю» и обрабатывал, были всего лишь арендаторами.

Дедушка Николай Степанович – привычный к крестьянскому труду – тоже арендовал несколько десятин земли. У него была вся справа для работы на земле: плуг, бороны, ручная сеялка и даже ручная веялка, каруца (телега) и всевоз-

можные сапы (тяги), мотыги и прочее. Был и мерин, правда, староватый – Каштак. На дедушкином поле сеяли пшеницу, кукурузу, овес, немного проса, подсолнечник. Была и небольшая деляна – гарбузария, где дедушка хлопотал над арбузиками и дыньками; к концу лета приходилось строить халабуду (шалаш) и жить там, потому что посторонних, желающих залезть в гарбузарию, всегда хватало; дедушка иногда брал в компаньоны меня, и мы с ним жили в халабуде. Мама часто трудилась на дедушкином поле, особенно в страдное летнее время, когда надо было работать сапой. Зато осенью дедушка увозил на мельницу пшеницу и кукурузу и обратно привозил себе и нам муку и крупы. Так мы жили и в мирное, и в военное время.

Мы с матерью жили на одной улице, а дедушка с бабой Маней и дочерью Ксенией (я звал её просто Сеней, хотя приходилась она мне теткой) жили на другой улице, ближе к лесу.

Моя мать умела делать всё, что надо для того, чтобы выжить во время войны, голода, издевательства румынских оккупантов, нечеловеческого напряжения, побоев мужа и проч. Будучи неграмотной, она ощущала свою ущербность и, возможно, по этой причине, не спешила учить меня (очень неглупого ребенка) уму-разуму и никогда не вдабливала мне прописные житейские истины. Мне была предоставлена свобода во многом: в познании окружающего мира, в выборе

друзей-товарищей, в поведении, в самостоятельном поиске ответов на вопросы: что такое хорошо, а что — плохо. Некоторая несвобода заключалась в том, что обычно по воскресеньям мы с мамой отправлялись в дом молитвы (баптистскую церковь); но со временем я усвоил, что там тоже интересно. проповедники читали отрывки из Библии, комментировали и рассказывали о том, как надо жить, чтобы спасти свои души и попасть в рай. Иногда я по малолетству делал всякие глупости, и мама мягко, не ругаясь, поправляла меня. Я свободно общался с множеством пацанов и девчонок из нашей магалы, это были дети разных национальностей. Интернационал. Общаясь, мы хорошо понимали друг друга, но иногда в ходу была и ненормативная лексика. Так, в пять лет я научился материться на пяти языках: на русском, украинском, молдавском, иврите и цыганском. Когда однажды дома я обнаружил это умение, мама просто сказала, что верующему человеку (а я считал себя верующим) не подобает ругаться матерно — это грех. И всё — мата больше не было. Она всегда подчеркивала, что я — личность со своими мозгами. Я верил, что я — личность.

Самостоятельность моя была еще в том, что я никогда не скучал в одиночестве. Поскольку, чтобы заработать «кусочек хлеба», маме нередко приходилось отлучаться надолго, она вынуждена была оставлять меня дома одного. Вечером, возвратясь, она озабоченно спрашивала:

— Ну, как ты тут, сынок? Один, не скучал?

– Нет, мама. Я был не один: мы с Лёхой (поросенком) и Васькой (котом) весь день играли.

Иногда ко мне приходили друзья – Иван Бурдужан и Муся Иванова. Иван был старше нас с Мусей года на два. Мы играли либо в семью (с обязательной постройкой своего шалаша из табуреток, старых платков, мешков и всякого тряпья), либо в школу (где Иван, первоклассник, преподавал нам с Мусей буквы и цифры). А когда приходила мама, то всегда потчевала моих друзей чем-то вкусеньким.

Она никогда не говорила мне, что любит меня – в крестьянских семьях это не было принято. А я как-то не думал об этом. Просто твердо знал, что мама – моя опора, и от нее зависит всё моё существование. Иногда это обнаруживалось во время моих болезней: почему-то часто я болел то ангиной, то свинкой, то ветрянкой; а однажды, играя с серпом, сильно поранил ногу. И тогда мама все бросала и день и ночь возилась со мной. А в начале 45 года после ангины начался жесточайший ревматизм: я совсем обессилел, мышцы рук-ног атрофировались и меня скрючило. В течение долгих-долгих дней и недель, когда мой помутненный разум барахтался на грани быть или не быть, мать безотлучно была со мной, была и тогда, когда перестало биться моё сердце (в результате клинической смерти). Если б не она – меня бы не вытащили. Я бы не выжил.

Она не только не говорила мне о своей многотерпеливой, трудной и безграничной материнской любви, но никогда не

ласкала и не целовала меня. Такое не было принято в семье ее родителей. К сожалению, это особенность – сдержанность чувств – была унаследована и мною, и долгое время я, муж и молодой отец, так же любя, был очень сдержан в словах и проявлениях эмоций. И только в очень зрелом возрасте я понял, что и жены, и дети постоянно нуждаются и в ласковых словах, и любовных прикосновениях.

Её сестры, которые часто наезжали к нам в город из сёл – матуши Мафта, Маруся, Зановия – и брат, вуйко Филипп, тоже были очень сдержанны, но всегда с большой теплотой они вспоминали своих тато и маму. И всегда у них был для меня гостинец: яблочко, груша, маленькая дынька или просто горбушка деревенского хлеба «от зайца».

Я часто донимал своих родных дурацкими вопросами, которые будоражили мою бедовую голову: «Почему большой кобель Бобик боится маленькую киску Мурку, а она его не боится?», «Если Бог находится на небе, то как он может видеть всё, что происходит на земле?», «Если я спрячусь в погреб, где всегда темно, и съем немного бабушкиного варенья, Бог узнает об этом или нет? Будет ли это считаться грехом?», «Почему румынские жандармы такие наглые?», «Если я стукнул по башке Ваську-сопливого за то, что он плюнул на меня, это – грех или нет?»

Не всегда на свои вопросы я получал ответы. Дедушка Николай чаще всего посмеивался в свои усы-щёточки и от-

малчивался или говорил: «Ну-ка, поддержи вот это!» и давал мне в руки скобель, гембель, косарь или барду – один из тех плотнишко-бондарных инструментов, которым он работал. Дедушка всегда был в работе, работа в качестве гонтаря, бондаря, плотника была образом его жизни. А баба Маня любила пускаться в философские объяснения: «Ну, и что с того, что Бог – на небе, далеко от людей? Да, сам Он сидит там на хрустальном престоле. Зато у Него есть тысячи ангелов, которые везде летают и всё-всё видят. И Богу докладывают. Потому Бог всё знает».

Вся родня считала меня шибко умным ребенком, «хлопцём с золотою головкою». И я настолько уверовал в то, что я – необыкновенный, выдающийся, что позволял себе время от времени просто валять дурака. Однако, несмотря на всякие причуды, когда я отчебучивал что-нибудь совсем уж непотребное, баба Маня всё равно говорила: «Чудит наш хлопчик. Но видно, так и надо». Пребывание в эйфории славы могло бы, вероятно, продлиться еще и еще, бесконечно долго, если бы не отрезвляющее влияние улицы. Того самого интернационала. То цыганенок Леха Гусаков ни с того ни с сего стал обзывать меня «штундой» и упорно дразнил, когда я отказывался курить махорку (некоторые из 5–6-леток уже вовсю дымили, но я себе такое долго не позволял – я же был крединчос!), то Муся, моя соседка и закадычная подруга, переставала со мной играть, говоря, что я избалованный мамин сынок ... Я начал задумываться. А однажды

Иван Бурдужан мне прямо сказал, что я «бамбула», поскольку не могу побороть даже Ваську-сопливого. И это говорил мне мой друг! Однако по-настоящему трезветь я начал после того, как случайно попал в еврейскую семью Фишманов, там я неожиданно увидел, что худенький пацаненок, с большими как вареники ушами, мой ровесник, которого звали Харик, очень конопатый (еще больше конопатый, чем я), *свободно читает* русские народные сказки (а я еще не все буквы выучил). И тогда стало ясно-понятно, что я не самый умный — есть более умные.

В раннем детстве, как известно, закладываются не только основы любви к себе и окружающему миру, но и критическое отношение к себе, умение задавать самому себе не только лояльные, но и нелицеприятные вопросы. Закладывается и умение всё анализировать, взвешивать все плюсы и минусы и производить самооценку. И всё это происходит не спонтанно и возникает не вдруг, а в результате многочисленных и длительных контактов не только с родными, теми, кто тебя безоговорочно любит, но и с другими людьми, в том числе с недругами и просто с инакомыслящими, а также — в результате последующих вынужденных размышлений и попыток самоанализа.

Привычки к самоанализу желательно осваивать как можно раньше и практиковать самооценки как можно чаще, однако заниматься глубоким системным анализом собствен-

ной деятельности следует не слишком часто, может быть, раз в год или раз в квартал (в целях сбережения собственной психики от ненужного напряжения и травм).

Похоже, что долгое время я был главной личностью среди моих родных – Уважаемой Личностью Номер Один. Взрослые считались с моей персоной. И они любили играть со мной и просто разговаривать.

Так, я общался с дядькой Николаем Грошованом.

Жил он бобылем в селе Белеуцы и был заядлым охотником. Он часто гостевал у нас, и я любил слушать его бесконечные байки, особенно – про охоту на зайцев. Звал я дядю Колю «вуйко Чёрный» по той причине, что был он жгучим брюнетом с цыганской смуглостью лица, не свойственной нашей родове.

Вуйко Чёрный после обеда любил попеть. Садились они с теткой Сеней за стол и дружно заводили: сначала библейские псалмы (оба были верующими), потом «Дывлюсь я на нэбо тай думку гадаю» и «Ничь яка мисячна, зоряна, ясная», затем молдавские «Фрунзе – верде» и «Марица-марица, ты-нере фетица», еще какие-то и под конец – «Ррревела бурр-ря, грррром гррремел». Вуйко пел мягким басом, тетка дискантом – получалось ладно и трогательно.

А после песнопений обязательно была борьба. Наше традиционное баловство. Вуйко опускался на пол, становился коленями на коврик (чтобы сравняться ростом с племяшом,

то есть со мной), вытягивал вперед руки и обхватывал меня за туловище, я обхватывал его за шею и — оба мы, усиленно пытаясь, пытались завалить друг друга. Дядька делал вид, что сильно напрягается, для натуральности даже громко стонал, я тоже выкладывался изо всех своих силенок. Так мы тискали друг друга с минуту-две — «боролись». Никто не уступал. Наконец вуйко Чёрный, как бы обессилев, падал на спину, а я сверху наваливался на него. Победа!

— Ну, ты силен, — отдуваясь, говорил он. — Шибко силен! Я понимал, что вуйко шутит.

Потом он добавлял:

— Но надо, брат, тебе еще расти. А главное — хорошо питаться. Очень полезна горячая мамалыга с брынзой и топленым салом, да еще с толченым чесночком. Ешь на здоровье, и будешь здоров как бык.

Был вуйко Чёрный моим любимым дядькой.

Но как-то весной вуйко пропал. Он не был на нашем подворье долго. Явился неожиданно в середине лета сильно похудевший, побледневший, с перевязанной правой рукою, подвешенной на тряпочке к шее.

— Нарушение техники безопасности, — объяснял он. — Засыпал слишком много порошу в патрон, а он возьми, да и взорвись в патроннике. Большой палец оторвало.

Однако после этого охоту вуйко не бросил, по-прежнему гонял зайцев по деревенским полям.

Потом он — женился и у нас бывал всё реже и реже.

Любил я и тетушек своих, сестер матери, и они любили меня. Жили они в разных местах: старшая, матуша Мафта, – в деревне Яблona, средняя, красавица матуша Маруся, – в общежитии Селекционной станции, младшая, матуша Зановия, – в селе Молдаванка. Все трое были замужними.

Они довольно часто в воскресные дни собирались у нас. Обычно с утра все шли в дом молитвы, потом на нижний базар, покупали то, чего в селах было маловато: сахар, соль, крупы, брынзу, олию (подсолнечное масло). Вечером на кухне устраивали обильное и долгое застолье. И говорили, говорили ... Обсуждали всё, что только возможно: и тяжкий полевой труд, и нелегкую семейную жизнь, и бесконечные детские заболевания. Это был своеобразный семейный совет.

У тети Маруси было трое детей – мал-мала-меньше. И все девочки, и все больные: постоянный кашель, ангина и даже туберкулез. А всё из-за холода в общежитии и постоянной сырости.

– Надо, – уверенно советовала старшая Мафта, – вам с Иваном брать землю и строить свою хату. И будет вам тепло и будете все здоровы. А маленькую Лиду, у которой начался туберкулез, надо отвезти в Костюжены и отдать в детский противотуберкулезный санаторий.

Все согласились с таким предложением. Они, родные сестры, крепко держались друг за дружку.

Утром, чуть свет тётушки с тяжелыми торбами через пле-

что уже спешили на глодянский и реуцельский шляхи, чтобы на попутных машинах или каруцах попасть домой.

Любил я и дядюшек своих, и они любили меня. Немногословный вуйко Филипп, мамин брат, приезжал из родной Молдаванки, веселый дядя Иван, муж тетки Маруси, – с Секционной станции. В первые послевоенные годы они втроем с моим отцом часто сживали за долгими беседами. Все трое были фронтовики, и им было о чем поговорить. Они любили солдатские байки – всё такое, над чем можно посмеяться.

Но были темы, о которых фронтовики никогда не говорили, точнее, избегали их обсуждать: первые – про баб, вторые – о личном участии в боевых действиях. И еще: никто из них никогда не надевал свои военные награды, хотя у каждого было и по несколько медалей, и по ордену: у дяди Филиппа – орден Отечественной войны, у дяди Ивана – орден Красной звезды, у отца – орден Славы.

Вуйко Филипп Фрасинюк был похож на своего отца, моего деда Харлампия: и ростом (средним), и лицом (краснокожим), и характером (очень спокойным), и даже веснушками. Был он немногословен и нетороплив, но всё, что делал, делал прочно.

Демобилизовался вуйко, как и мой отец, в 46-м. Вернулся в родную Молдаванку, а там его ждала девушка Люба. Она

ждала его всю войну.

Мальчишкой я был на их свадьбе и с ходу влюбился в свою новую тётку: улыбчивая, добродушная, веселая, она излучала какие-то особые флюиды любви. Матуша Люба родила троих сыновей; она и вуйко Филипп очень любили друг друга, даже тогда, когда состарились. Они изредка гостили у нас, и я видел, как спокойно, нежно и ласково они разговаривают между собой.

Году в 70-м по какой-то международной квоте баптистских общин вуйко Филипп, матуша Люба и их сыновья покинули Бессарабию и отбыли в Америку. И наши связи прекратились.

Вуйко Иван Кируца запомнился мне веселым и очень находчивым человеком. Они поженились с матушей Марусей году в 46-м, родили троих девочек, к сожалению, очень болезненных. Долго мыкались по общежитиям, но к 52-му году свою хату все же построили и зажили вроде бы неплохо. Мы с матерью любили бывать у них: они были очень гостеприимны. Позднее, уже подростком, я сдружился с дядей Ваней, иногда мы вместе рыбачили на стрымбецком ставу, несколько раз на велосипедах ездили в Молдаванку (а путь был неблизкий – больше 20 км).

После окончания школы я поступил в Московский университет, и мы встречались редко. Потом я уехал в Сибирь, но из писем родных узнал о том, что вуйко Иван стал попи-

вать — это было удивительно, потому что в годы молодости и в годы нашей с ним дружбы, он был абсолютным трезвенником. Он по-прежнему увлекался рыбалкой, но однажды рыбалку совместил с выпивкой и на мотоцикле (у него был хороший мотоцикл «Урал» с коляской) он решил прокатить свою любовницу (при мне никаких любовниц у вуйка не было). Была темная ночь, и произошла авария. Женщина погибла на месте, вуйко чудом выжил, но его всё же посадили. Он попал в тюрьму.

Больше мы с вуйком Ваней не виделись.

Жаль — хороший он был человек.

* * *

Самоотверженная, безусловная, временам почти слепая любовь моих родных, казалось бы, должна родить во мне непомерную гордыню, самовлюбленность и махровый эгоизм. Иногда, вероятно, так и было.

Но, как ни странно, у любви есть одно удивительное свойство: сильная любовь, как правило, вызывает встречную сильную любовь и вместе с ней ответную привязанность, преданность и самоотверженность. А неизбежное общение с улицей, другими людьми, в том числе, с неприятелями и открытыми врагами всё чаще побуждает к трезвому самоанализу и всесторонней самооценке.

В процессе любой деятельности неизбежны ошибки, уда-

чи, неудачи и поражения, которые — хочешь-не хочешь — тобою анализируются и оцениваются.

Всё это вместе взятое способствовало тому, что ни отъявленным гордецом, ни самовлюбленным эгоистом я не стал.

Крайне важно и то, что между любящими высока степень доверия. Любящие сердца обычно живут «душа в душу», полностью доверяя друг другу и чувствуя малейшие нюансы.

Любовь всесильна. Вопрос, например, о наказаниях в среде любящих друг друга людей, любящих родителей и их детей практически не стоит. Если человек (ребенок) совершил неблаговидный поступок, то достаточно любящим товарищам (родителям) выразить свое осуждение словами или строгим взглядом, и соответствующие выводы провинившимся будут сделаны. Без всяких окриков, шлепков и прочих насильственных действий.

* * *

1946–1955

Отец мой — тато, по-нашему, по-бессарабски — занимал особое место среди моих родных.

Первые полвека моей жизни, пока он был жив, мы с ним пытались найти какие-то точки соприкосновения. И он, и я

много раз пытались превратить наши отношения из прохладно-безразличных, каковыми они стали со времен моего детства, в теплые. Когда я стал взрослеть, особенно, в годы студенчества, отец иногда помогал мне деньгами, потом, когда я перебрался в Сибирь, он почти ежегодно, а иногда и дважды за год приезжал ко мне, навьюченный бараньей тушей, брынзой и молдавским вином. Он тогда работал на винзаводе проводником вагонов и возил вино во многие места Союза. Жил он у нас в гостях обычно три-четыре дня, гулял с внуками, рассказывал им молдавские сказки. По вечерам все мы собирались за столом и по-хорошему общались. Казалось, между нами устанавливаются теплые родственные связи. Однако отец уезжал, и связи прерывались до следующей встречи. Какое-то время меня это беспокоило, тревожило, я видел, что и отцу тоже не по себе. Постепенно пришло понимание, что вряд ли можно что-то изменить.

Но почему, думал я? Почему однажды, давным-давно, случайно оборванные кровные связи не удастся снова скрепить? Или склеить, склепать, сварить? Почему?

Да, в детстве я был себе на уме. Были случаи, проявлял непослушание. Но так ли уж был я в том виноват?

Долго ломал я над всем этим голову, но так ни к чему и не смог прийти.

Современные психологи считают, что непослушных детей не нужно ломать. Не следует на них давить. Просто надо по-

могать им находить свои пути. Обществу, как известно, нужны не только послушные исполнители, но и критически, и нестандартно мыслящие личности. Послушание — качество важное и нужное, но также важен, а в экстремальных ситуациях крайне необходим — критический, независимый взгляд на происходящее.

Я стал вспоминать, каким был я. Конечно, хотелось видеть себя в хорошем свете. Но бывало всякое. И был я скорее, непослушным, чем послушным. С ранних детских лет. Ничему не верил на слово и всё докапывался, надоедая взрослым: «Зачем это? Почему так, а не иначе? Что будет, если?..» Временами мама, бабушка Николай и, особенно, баба Маня изнемогали от моей надоедливой любознательности, но не раздражались, а терпеливо растолковывали, как могли, почему луна то круглая, как блин, то маленькая, как серпик, почему зимой идет снег, а не дождь, почему Бог не наказал тех жандармов, которые обижали мою маму и проч. Я был единственным ребенком в нашей большой семье, и мне не только прощали приставучесть, но и многие шалости и непослушание. Считалось, что я «хлопец с розумом». Сам себе паровоз. Мои родные любили меня, и, наверное, поэтому мне сходило с рук все: и упертость, и своеволие, и несвойственная детям критичность, и свобода действий. Меня постоянно поощряли к самостоятельности. Что бы я ни говорил, что бы ни вытворял, всё истолковывалось в мою пользу. Запре-

тов не было. (Вернее, они были, но я о них не знал.) Все запретное я определял сам либо путем проб и ошибок, либо задавая окружающим бесчисленные вопросы. В те молочные годы меня никто никогда ни разу не только не бил, но даже не шлепнул, никто ни разу не повысил на меня голос.

Я был общим любимчиком, центром внимания нашей родни и считал, что мир вокруг существует для меня. Весь ближний мир – для меня. Несмотря на войну, разруху, бедность, иногда и нищету, болезни, этот мир был моим, служил мне. Я был беззаботным, ни в чем не ограниченным и свободным. Абсолютным эгоистом. Никогда в последующие юношеские и зрелые годы я не чувствовал себя так вольно и легко, как в те первые детские годы.

Но однажды эта вольница неожиданно кончилась. Мне было уже шесть лет, как вдруг произошло нечто ужасное, о чем я сожалел потом всю оставшуюся жизнь: случилось так, что я поднял руку на родного отца – тато.

Его мы ждали с войны в 45-м, но он еще служил в комендатуре Берлина и вернулся домой в Бессарабию только в конце весны 46-го.

Мы с Мусей Ивановой сидели в тенечке на единственном в нашем дворе дереве шелковицы, когда к калитке подошел какой-то дядька в красноармейской фуражке и солдатской форме с небольшим заплечным мешком. Дядька смело вошел в наш двор, перед порогом дома, потоптался, пошоркал

кирзачами о лежащую тряпку и вошел в дом. Нас на дереве, скрытых густой листвой, дядька не видел.

— Кто это? — тихо спросила Муся.

— Не знаю, — ответил я. — Пойду в хату, посмотрю.

Мы спустились с дерева, и я пошел смотреть.

Вошел в сени и, скрипнув дверью, в каса маре (горницу), увидел удивительную картину: моя мама стояла, прижавшись к гимнастерке солдата, и обнимала его. Мама была совсем маленькая, а солдат ростом почти до потолка. Он гладил ее по голове, которая находилась на уровне его живота. Услышав скрип, мама подняла голову.

— Сынок! — позвала она. Глаза у нее были заплаканные.

Я стоял, не понимая, что происходит.

— Йиды сюда.

Я подошел.

— Твуй батько вернувся з войны. Твуй тато.

Оказывается, это был мой отец. Вот он, оказывается, какой, подумал я. Когда в 41-м его брали в армию, я был еще грудным ребенком, а потом долгие пять лет не видел его.

— Який гарный хлопчик, — были первые слова большого дядьки-солдата, которого мама назвала моим татом. — Хлопчик с золотою головкою.

Так он звал меня в немногих своих письмах с фронта.

Широко улыбаясь, он схватил меня и, высоко подняв, вдруг подбросил. Но, видать, не рассчитал, потому что я треснулся головой об потолок, да так, что посыпалась извест-

ка. Солдат тут же отпустил меня с рук.

– Чего ты? – сердито сказал я, почесывая голову. – Чего бросаешься?

Меня до этого никто не подбрасывал. Мне это совсем не понравилось. А солдат продолжал улыбаться: он же радовался встрече с родным домом, родными людьми. Но все же с удивлением сказал:

– Ты дывы, який сердытый.

Потом втроем мы пошли к дедушке с бабушкой; они жили на другой улице. Были слезы радости. Отец роздал трофейные подарки: женщинам шелковые хустки, дедушке Николаю очки в пластмассовой коробочке, мне четыре алюминиевых колесика (из которых потом смастерили игрушечный возок). Себе тато оставил шевиотовый цивильный костюм, сшитый на заказ в Берлине, и две шелковых сорочки. Было еще в солдатском мешке три столовых ложки с немецкими буквами. Вот и все трофеи.

В последующие дни мы виделись с отцом только по вечерам. Вместе с бабушкой он разъезжал на двуколке по разным конторам, оформлял бумаги на участок под строительство нового дома и на получение за городом земельного надела.

Днем мы оставались с матерью, и всё было, как раньше: я помогал ей кормить курочек, поросенка, мы ходили по воду к колодцу тети Марицы. Там лежала выдолбленная из

камня бадья для поения скота. В жаркие дни к бадье слеталось много ос, которые, подрагивая своими полосатыми брюшками, жужжали и пили воду. (Когда я был совсем маленьким, то, не понимая, хватал руками жужжащих красавиц, и они больно жалили. Я громко ревел, мама вытирала мои обильные слезы и успокаивала. Потом я брал свое маленькое ведерко, мама – большие ведра с холоднющей водой, и мы шли домой.)

Но теперь я ос не хватал.

Когда приходили мои друзья, Иван Бурдужан и Муся Иванова, мы шли на речку Рэут, купались или играли во дворе до тех пор, пока не звала мама:

– Диты! Обидаты! Исты!

Мама нарезала суровой ниткой каждому по шмату горячей мамалыги, мы садились за дощатый стол и ели деревянными ложками борщ или суп из одной миски.

Мама хорошо понимала нас, меня и моих приятелей. Нам было хорошо вместе с ней.

Но когда вечером приходил домой усталый тато, мать становилась другой. Огромный отец заполнял собою всё пространство нашего тесного жилища и требовал к себе внимания. Мать почему-то начинала суетиться, робко заискивать, что-то от волнения роняла на пол, а однажды, достав из печи горшок с томленными галушками, уронила его на колени отца.

– Ты шо? – закричал он, отряхиваясь. – Крушши мэти!

(Ругательство.)

– Прости, Васенька! – запричитала мать. – Я не хотела ...

– Не хотела?! Срау бы са пэс! (Ругательство.) – Отец злобно скрипнул зубами и выскочил вон из каба маре.

Я понимал, что тато чем-то недоволен, а мать боится его и не знает, как угодить. Начинал я понимать и то, что моей свободе приходит конец, и в ближайшее время что-то должно измениться.

В его присутствии мать больше ни разу не называла меня привычными ласковыми именами, а только строго: «сын».

А отец вообще не называл меня по имени и больше не вспоминал, что я «хлопчик с золотою головкою». Изредка он покрикивал: «Мэй, ты!» Но на уничижительные окрики я не откликался. Однажды он увидел, что я провожу время в обществе Муси, и придумал для меня прозвище: «Жених». А поскольку я был сильно конопатый – лоб, нос, щеки и даже руки были обсыпаны веснушками, – он стал насмешливо звать меня: «Рябый. Рябый жених». Так и повелось. Когда я приходил с улицы, отец вместо приветствия, спрашивал: «Где тебя носило, рябый?» Я молчал. Не отвечал, и моя упертость злила его еще больше.

Конечно, тато не должен был так поступать. Я был упрямым и неподдающимся, а он, вероятно, не понимал (тоже из упрямства и неудовлетворенного самолюбия), что меня нельзя унижать.

По воскресеньям мы всей семьей шли в церковь, потом на

нижний базар. К обеду собирались у дедушки с бабушкой. Там всегда было хорошо. Помолясь, усаживались за большой стол, накрытый белой скатертью. Баба Маня с тетей Сеней подавали горячую мамалыгу, и дедушка Николай, как старший, разрезал ее на скибы. Потом на тарелки накладывались ломти овечьей брынзы, квашенина – огурцы, помидоры, бывало и квашеный арбуз или фаршированные перчики, – и из печки доставалась большая кастрюля со свиной, тушеной с картошкой и специями. Каждому еда накладывалась в отдельные миски. На десерт подавали бабку, домашнюю лапшу, запеченную с вялеными сливами, абрикосами, яблоками, и чай. Чай был без сахара.

Во время обеда разговаривали мало, а после чая дедушка начинал расспрашивать отца про военную службу. Спрашивал про командиров, однополчан и про то, в каких местах тому доводилось воевать. Отец рассказывал неохотно, и разговор о войне сам собой угасал. Эта тема больше не поднималась, и внимание переключалось на меня. Дедушка вспоминал, как мы с ним прошлым летом жили, дневали и ночевали, в халабуде на гарбузарии, и сколько страхов натерпелись из-за разных непрошенных гостей. Баба Маня, тоже стала рассказывать, как осенью мы с ней заготавливали грецкие орехи, как я лазил по огромным деревьям и ловко палкой сбивал орехи. Она кричала снизу: «Хватит! Слезай!», а я вроде бы отвечал: «Я еще побью». Мы с бабуней тогда набрали целый мешок орехов.

В дедушкином доме меня всегда любили. По-прежнему здесь я был персоной номер один. Отец хмурился, он был, конечно, родным сыном дедушки и бабушки, и его тоже любили, но было заметно, что не так — как меня. Может быть, он ревновал меня? На людях он не показывал своего раздражения и был ровен в разговоре. Но дома, в присутствии матери его настроение становилось неустойчивым. То он преувеличенно любезно говорил ей, какой сын «справный» (правда, «дуже веснянкуватый») и какая она красавица, ну прямо «квитка польова», то вдруг неизвестно от чего мрачнел, становился раздражительным и обзывал ее и меня непотребными словами. Бывало и того хуже: он начинал быстро ходить по дому, громко топая сапогами по земляному полу и заполняя своей фигурой все пространство. Лицо его наливалось кровью, глаза стекленели, делались безумными и из оскаленного рта вырывались хриплые ругательства: «Мать-перемать! Кругом одна сволота! Курвота продажная! Срау бы са пэс!» Кого он ругал, то ли нас, родных, то ли посторонних врагов, понять было трудно. Срывы были редкими, но совершенно непредсказуемыми. В такие моменты лучше было ему не перечить, и мы с матерью от греха подальше, выбегали во двор и тихо сидели на призьбе (завлинке), прижавшись друг к другу и дрожа от страха, пока шум в доме не стихал. После этого мать долго плакала и говорила, что вся беда от того, что тато сильно контузило на войне.

Шло время, но состояние страха не покидало нас с мате-

рю, а между мною и отцом нарастало отчуждение, причины которого я не мог понять. Зная, что он контуженный, я изо всех сил пытался не раздражать его, но он при виде меня, сам заводился, почему-то сразу мрачнел и пускал в ход свои оскорбительные прозвища. Чего он злобствовал, было непонятно.

Однажды ночью, проснувшись, я нечаянно подслушал разговор отца с матерью.

«Докия, почему вин такой рябый?» – спрашивал отец. Я понял, что разговор шел обо мне.

«Ты же знаешь, Васылю, в детстве у многих – веснушки, не только у нашего», – тихо отвечала мать.

«Но в нашей родове не было ни одного веснянкуватого».

«Зато среди моих таких дуже багато».

«Обличчем он совсем поганий и не похож ни на тебя, ни на меня ...»

«Он похож на мого батьку: такой же низкий ростом и с большой головой. До старости мой тато тоже был конопатый».

«Да, я помню его». – В то время маминого отца, дедушки Харлампия, уже не было в живых.

Может, думал я, он считает, что я не родной его сын. Может, и в самом деле он не родной мне отец. Мы с ним совсем не похожи друг на друга.

Я не знал, что мне делать и как себя вести.

Единственное, что оставалось — ждать и надеяться, что всё образуется. Казалось, со временем всё должно само собой устроиться.

Нам бы всем радоваться надо тому, что закончилась, наконец, страшная война, что мой отец, солдат, дважды раненый и дважды сильно контуженный, один из немногих, кому повезло выжить, вернулся домой. Мы, родные, должны были денно и нощно стоять на коленях и благодарить за него Всевышнего. Отцу было тогда всего 30 лет, и внешне был он — черноволосый, кучерявый, пригожий лицом, статный и могучий. Когда шел по улице, многие засматривались — красавец! У большинства моих приятелей отцов вовсе не было, а мне повезло. Но с самого начала наши с ним отношения не заладились и с каждым днем становились хуже и хуже. Я понимал, что нужно быть послушным, иначе нельзя, но унижений от отца терпеть не мог. Он же, видя мою неподатливость, пытался силой подмять меня. Я стал избегать его, хотя это плохо удавалось, потому что мы жили в одном ветхом домике и по бедности ели из одной миски.

В тот злополучный вечер мы с Иваном сидели на призьбе и мастерили змея. К куску пергаментной бумаги, которую принес мой друг, нитками мы привязали тонкие лучинки из стуга (тростника). Оставалось из тряпок сделать хвост. Моток суровых ниток был припасен заранее.

Солнце висело над самым горизонтом. Было тепло. Отку-

да-то наносило терпкий запах отцветающей сирени и сладкий аромат гроздьев белой акации. Над густой травой и зеленью в нашем огороδικе — ядреной картофельной и морковной ботвой, остролистыми перьями лука и чеснока, несмелыми побегами фасоли и бобов — летали, посверкивая медными крылышками и издавая низкий машинный звук, медлительные как бомбовозы хрущи. Мелькали стремительные ласточки, которые охотились за жуками. Гнездо ласточек лепилось прямо под стрехой нашего домика, и там уже кто-то попискивал.

— Слушай, — сказал Иван, — ведь хвост можно сделать из веревки.

— Точно.

Я пошел к сараю, нашел среди старого барахла кусок веревки, и мы стали мастерить хвост. Мы так увлеклись, что не заметили, как появился отец. Он молча прошел мимо нас с Иваном. Не замечая. Будто нас и не было. Был он какой-то странный: шел подчеркнуто прямолинейно, не поворачивая головы. Может, был выпивши? Не знаю.

Нам с Иваном не удалось доделать змея, потому что вскоре мать позвала:

— Сынку, вечеряти!

Когда я вошел в каса маре, то сразу понял: что-то не так. Обстановка была накалена. Родители о чем-то громко спорили, но при моем появлении резко замолкли. Отец сидел на

лавке за столом, лицо его было налито свекольной красной, а отрешенный диковатый взгляд был устремлен в окно. Он явно был на грани срыва. Мать возилась у печки.

– Сидай з батьком! – велела она мне.

Я сел на свое обычное место на лавке, рядом с отцом.

Мать налила щей в нашу большую семейную миску и поставила на стол, потом на белый рушник вывалила из чугуна мамалыгу и подала ложки, те самые, трофейные. Ложки были больших размеров, но самая большая, настоящий черпак, досталась мне.

Отец зачерпнул из миски, попробовал варево и вдруг лицо его перекосило:

– Ты шо насыпала, стэрва? – заорал он. – Я шо, свиня, чи шо?

– Вася, успокойся! – начала было урезонивать его мать. Но того уже забрало и понесло.

– Курва! Тварь продажная! Как обращаешься с фронтовиком? – злобно кричал батько.

– Что ты такое говоришь? Остынь.

– Не-е-ет, правду люди говорят ...

– Что тебе наговорили твои люди?

– Всякое наговорили... Срау бы са пэс!

Отец замолчал, но вдруг, все более озлобляясь, выкрикнул то, о чем в нашей семье (тем более, в моем присутствии) говорить было не принято:

– Пока мы на фронте били фашистов, вы... вы... Вы тут

блядовали с румынами.

Обвинение было настолько диким, что мать, всплеснув руками, замерла как соляной столб и ни жива, ни мертва, еле вымолвила одеревеневшим языком:

– Что ты такое говоришь, Вася? Побойся Бога.

– Так и было. Все вы курвы, твари продажные.

– Это неправда! – заплакала мать. – Я чиста перед тобою и перед Богом.

– Твой Бог больше не будет защищать тебя...

– Я ни в чем не виновата.

– Бреешь, я всё знаю...

И вдруг он произнес слово, которое в нашем доме считалось страшным ругательством:

– Проститутка!

– Не-е-ет!

– Ты румынская проститутка!

– Не-е-е-е-ет! – страшным голосом закричала моя мать.

– Ку-у-урва-а-а! – подстегнутый ее отчаянным криком, он неожиданно схватил первое попавшееся, что было под рукой, свою ложку, и резко бросил ее в голову жены. Тяжелая ложка, задев шею жертвы, шмякнулась о стенку. Мать с перепугу села на пол.

Отец был невменяем. Приступ его злобы не утихал. Он распалялся все больше и больше.

Все происходило на моих глазах, и все было ужасно. Смотреть на это молча, было нестерпимо.

– Ты за что бьешь мою мамку? – крикнул я, преодолевая страх, от которого в животе у меня похолодело. – Она не виновата!

– Молчать!.. Засранец!.. Байструк рябый!.. – Он повернул ко мне свое разъяренное лицо. Взгляд его был безумный, рот изуродован свирепым оскалом. Левой рукой он попытался схватить меня за горло.

И тогда я взял первое, что попало, свою увесистую ложку-черпак с немецкими буквами и ударил его по голове. Он отпрянул, и на его потном лбу мгновенно выросла красная гуля величиной с грецкий орех. Секунду или две он ошарашено, видимо, не понимая, что произошло, смотрел на меня, потом по-звериному зарычал и поймал меня за уши ...

Что было потом, я не помню. Мама рассказывала, что батяно рвал мои уши с такой силой, что кровь текла из раковин. Как он меня не убил, как матери удалось меня спасти, я так до конца не узнал.

Удивительное дело. Некоторое время после этого происшествия, несмотря на случавшиеся иногда приступы необъяснимой отцовской ярости, они с матерью жили относительно мирно. Он не попрекал ее и не бил, хотя размолвки между ними были частыми.

Но шли годы.

Незаметно он привык к другой, не домашней, а вольной жизни (он перешел на работу объездчика и стал разъездным

заготовителем яиц), перестал ходить в церковь и молиться, и стал попивать.

Приезжая домой из долгих поездок по селам и деревням, он всё чаще матерно ругался, выражал свое недовольство, кричал. И когда однажды много лет спустя снова разгорелся скандал и возникла угроза рукоприкладства, я снова не выдержал. Вынужден был вмешаться. Мне было тогда уже лет пятнадцать.

Услышав отцовы угрозы и истошные крики матери, я выскочил на кухню, к месту боевых действий. Он снова был невменяем, или хотел казаться таким, и, изрыгая ругательства, крепко держал свою голосащую жену за волосы.

Думать было некогда. Я схватил его за грудки, изо всех сил сжимая пальцы, и глядя снизу вверх в его бешеные глаза, произнес как можно спокойнее, внятно и членораздельно:

– Если ты еще раз тронешь мою мать... я сделаю из тебя котлету.

Батяко возвышался надо мною на целую голову, но он сразу обмяк, видно, поняв, что сынок не шутит.

Больше в моем присутствии он мать не бил.

Но после этого инцидента отец окончательно бросил нашу семью.

Меня тоже до конца своей жизни он пальцем не тронул. Правда, полного согласия и взаимопонимания между нами так и не возникло. Не было и дружбы, хотя мы постоянно об-

щались, помогали друг другу материально, даже тогда, когда отец развелся с матерью и завел другую семью. Мы мирно сосуществовали.

Однажды, много лет спустя, когда тато гостил у меня в Братске, он спросил меня:

– А ты помнышь, як ты хотив зробіты з мэны котлеты?

Оказывается, память о том злополучном событии, сидела в нем постоянно.

– Да, отец, – ответил я. – Помню... Прости меня.

Тато отвернулся и не сказал больше ни слова.

* * *

2026

Всё думаю о ЛЮБВИ.

Согласно гегелевскому закону диалектического единства и борьбы противоположностей, основу семейной жизни в любви должно составлять единство противоположных начал – мужского и женского. Получается, что взаимное притяжение и слияние (единство) мужского и женского начал в семейный союз есть основа семейной жизни. Но эти начала противоположны, следовательно, между ними неизбежна

борьба; борьба, которая тоже является естественным условием семейной жизни. В результате борьбы и соединения двух начал (мужского и женского) рождается новая жизнь, но как это происходит — для меня пока тайна. Понятно, что сперматозоид соединяется с яйцеклеткой, и дальше происходит рождение новой клетки и нового организма, но — как и почему это происходит? — вот, в чем вопрос. Тайной остается и характер борьбы мужа и жены: до каких пределов эта борьба полезна и до каких — вредна и разрушительна? И что, кроме детей, должно рождаться в результате внутрисемейной борьбы? — мне тоже не очень понятно.

В любом случае процессы единства и борьбы противоположностей составляют основу семейной ЛЮБВИ.

Размышляя о сложных путях и формах любви, я вспоминал о наших семейных приездах на отдых в Бельцы, к маме. Там со временем всё четче формировался образ жизни бывшей семьи, раздербаненной на части. Отец, отвоевав после развода свою долю огорода, поставил прочный забор и отгородился от матери; сам он жил в посёлке Александрены с новой женой по фамилии Деркач и новым сыном Васькой (моим, получается, сводным брательником), но иногда приезжал в наш старый дом. Каким-то, непонятно, каким, способом он узнавал о нашем приезде и обычно уже на второй день появлялся на своем огороде.

Но в тот раз что-то пошло не как обычно, и отец ходил

вдоль забора, бормоча негромко какие-то слова. Мать, вышедшая кормить кур, вслух заметила:

– Ходит как потерянный.

Отец услышал и в ответ прокричал:

– Что ты понимаешь, старая дура!

– Я-то, конечно, дура, но вполне понимаю, что ты в своей жизни потерялся. Ты – потерянный.

– Никуда я не потерялся, что ты плетешь?!

Потом слово за словом пошло и поехало: вспомнили войну («А ты, курва, путалась с румынами, пока я кровь проливал на фронте!»), потом вспомнили послевоенные годы («А ты, жеребец, разъезжал по молдавским деревням, заготавливал яйца и обгуливал безмужних баб»).

– Чего ты приперся к нам? – уже кричала моя махонькая, слабенькая, но ничего не прощающая и храбрая, как моська, мама, – убирайся к своей Деркачихе!

Дальше – сплошная безмозглая ругань:

– Проститутка, б...дь!..

– Кобель, дурак, сволочь...

И так далее.

Мы с женой были в то время на кухне и всё слышали. А когда перебранка поутихла, жена сказала:

– Знаешь, она, по-моему, всё еще любит его.

– Кого?

– Твоего отца.

Вот, подумалось, как выглядит диалектическая борьба противоположностей, всё еще связанных каким-то единством.

Рано или поздно практически каждому человеку открывается понимание того, что Путь жизни – это не только Путь познания, находок и потерь, радостей и страданий, удач и неудач, но и – Путь любви. Потому что *любовь есть основа основ нашего бытия*. Мы, живые существа, не можем жить без любви. Точнее, мы можем жить и работать *только* в атмосфере любви. Мы существуем только потому, что любим жизнь и, так или иначе, любим наш мир, даже несмотря на то, что многие его явления нам не по душе. В меру своих возможностей мы любим друг друга, хотя и не всегда осознаём это. Рано или поздно любой человек приходит к пониманию того, что жизнь без любви – ничто.

Я думаю, что и мои родители продолжали искать любовь друг в друге даже тогда, когда от любви (которая в молодости связывала их друг с другом) оставались одни воспоминания. Не найдя понимания друг в друге, они стали искать ее в других людях: мать – в своих сыновьях (в нас с братом), в сестрах и в других родных; отец – в «Деркачихе», но также в сыновьях (и в нас с братом). Отсюда и их настойчивое желание сохранить хотя бы видимость нормальных отношений с родными людьми.

Все существа ищут понимание, отзывчивость и любовь в

других существах. Но не всегда находят.

Однако без любви никак нельзя.

Последний раз, когда мы виделись с отцом, он сильно болел. После операции на мочевом пузыре он лежал – ходить уже не мог – с привязанной к ноге бутылкой, в которую по трубочке отводилась моча. Он сильно ослабел и похудел, от его могучего организма не осталось и половины.

Разговор почему-то не клеился.

Мы молчали. По-видимому, отцу не хотелось ворошить прошлое. Мне тоже не хотелось вспоминать худшее, что было между нами.

На прощанье тато сказал:

– Навэрно, бильше мы нэ побачимся.

Так и вышло.

Когда сегодня я вспоминаю о событиях давно минувших дней, становится не по себе от того, что так нелепо складывались мои отношения с отцом. С родным татом! Который должен был быть для меня несомненным авторитетом. Но, не стал. Увы!

* * *

Любопытно, а как проходят детские годы жизни у других народов в других странах?

Из Интернета:

Японская система воспитания детей

«Систему воспитания детей в Японии называют „икуд-зи“. Это целый набор педагогических методик и принципов, основанных на идее направить ребенка (дитя Солнца) по правильному жизненному пути.

Система имеет тройственную структуру – три этапа взросления личности и, соответственно, три подхода к воспитанию ...

С 0 до 5 лет: ребенок – император

К малышам в Японии относятся с истинным благоговением. Считается, что дитя – не просто божий дар, а воплощение Бога на земле. Сам факт наступившей беременности означает великое счастье ...

Беременеют японки осознанно, дети очень желанны. С появлением малыша статус семьи повышается, а жизнь молодой мамы полностью подчинена крохе. Огромное значение имеет контакт мамы с ребенком ...

Мать всё своё внимание и время уделяет потребностям и желаниям ребенка.

Маленький „император“ вовлечен в дела семьи. С ним играют, гуляют, ходят в гости. Как правило, мамы не поручают детей бабушкам и не отводят в сад до 3 лет. Соот-

ветственно, выход на работу до этого возраста также маловероятен. Отец семейства обязательно принимает участие в воспитании, но чаще по выходным.

Несмотря на то, что **дети до 5 лет не знают слов „нельзя“ и „нет“**, капризничают они крайне редко. Зачем капризничать, если и так всё позволено?

Любознательность ребенка, интерес к предметам и людям только поощряется, даже если это чужие вещи.

Никому и в голову не придет забирать из рук крохи понаравившийся предмет. Наоборот, взрослые с восхищением отмечают интерес ребенка, поощряют его познавательную деятельность

Если малыш упал, поранился, испугался, мать никогда не накажет его. Наоборот, утешит и попросит прощения за то, что не уследила, не уберегла ...

До 5 лет дети **растут в атмосфере любви**. Для родителей они идеальные, самые красивые и самые умные. У них формируется устойчивое понятие своей незаменимости.

С 6 до 15 лет: ребенок – слуга

Жизнь ребенка с 6 лет кардинально меняется. Он перестает быть „божеством“. Переходит в новый статус с противоречивым определением „слуга“. Но не стоит буквально понимать этот термин. Речь идет всего лишь о появлении правил и ограничений – новинке в жизни ребенка, который рос во вседозволенности.

Акценты воспитания смещаются от индивидуального к общему. Ребенок идет в школу, где ему прививают такие понятия, как социум, коллектив, ценность коммуникации. Японских школьников **учат ставить в приоритет интересы общины**, даже если они идут вразрез с их личными взглядами и желаниями. Такая модель взаимоотношений сложилась много веков назад, когда для того, чтобы не умереть с голоду, община должна слаженно и ответственно трудиться. И каждый в ней выполнял свою роль, был винтиком в общем механизме.

По данному принципу строится современное общество в Японии: высокий уровень социальной ответственности и коммуникаций, умение организовать коллективную деятельность и добиваться результатов сообща. А социальная отчужденность воспринимается японцами как наказание.

Если до 5 лет ребенок был продолжателем своих родителей, то с 6 лет его учат находить свое место в детском коллективе. Групповое сознание „работает“ во всех сферах: обучение, спорт, досуг. **Везде ребенку объясняют правила поведения и взаимодействия с другими детьми.** И он обязан следовать им, ставя успех микрогруппы выше, чем собственные достижения. <...>

С 15 лет: равенство

Японцы считают, что с 15 лет ребенок становится пол-

ноправным членом общества, зрелой личностью. Взаимоотношения с подростком строятся на принципах равноправия, уважения. Он уже может принимать самостоятельные решения, ему предоставлено право выбора и возможность определять свою судьбу».

Однако

В японских школах пресекают любые попытки учеников выделиться, выразить свое, отличное от коллективного, мнение. Считается, что подобные вольности угрожают всеобщей дисциплине.

*Если, к примеру, **школьная система западных стран нацелена на развитие личности, то японская система отдает приоритет развитию ребенка в процессе коллективной деятельности** (в ущерб личностному развитию).*
[<https://blog.karpachoff.com/yaponskaya-sistema-vospitaniya>]

Мудрые правила от народа эскимосов: как справляться с негативными эмоциями

«Крайний Север суров и ошибок не прощает. Поэтому народы Крайнего Севера выработали очень жесткую систему воспитания, призванную подготовить их к жизни на этих суровых просторах. Они должны повзрослеть и усвоить все необходимые знания и навыки как можно быстрее ...

Одной из важных задач является быстрое превращение беспомощного ребенка в умелого взрослого ...

Сразу после того, как у малыша появляются первые зубы, его передают на попечение старшим братьям и сестрам, которые сами чаще всего на несколько лет старше его. Теперь они будут за ним приглядывать, пока „подопечному“ не исполнится 5–6 лет. Лишь после этого мальчиков и девочек начинают воспитывать раздельно.

... У народов Крайнего Севера **не принято наказывать детей**. Если они что-то сделали неправильно, мать или отец не станут на них кричать, и угрожать, а постараются объяснить, что они ошиблись, на примере ...

В их мировоззрении присутствует **идея терпимости и дружелюбного отношения** ко всему, что их окружает: к людям, к природе и т. д. Эти воззрения прививаются ребенку с самого рождения и передаются из поколения в поколение. Золотым правилом воспитания детей является аксиома: „Как ты хочешь, чтобы к тебе относились, относись и ты так же!“ <...>

Еще одной из главных задач является **контроль гнева**. <...> Мало кто задумывается о том, что намного важнее не вырабатывать стратегии борьбы с агрессией, а „убить“ ее уже „в утробе“. Для это нужно научить детей не испытывать злость. <...> Дело в том, что родители никогда не ругают своих детей, не повышают голос. **Если малыш не будет знать, что такое гнев, не увидит от близких людей негативных эмоций, то, скорее всего, у него не возникнет привычки проявлять злость**». [<https://vk.com/>

Мы видим, что в системах воспитания детей и японцев, и эскимосов господствует Любовь к детям, которая проявляется в дружелюбии, миролюбии, вседозволенности, терпимости, отсутствии наказаний, поощрении самостоятельности и познавательной деятельности и проч. и проч.

Уроки детства и отрочества

С первого дня жизни человек использует энергию Любви так же, как другие животные, но, в отличие от животных, он обладает большими возможностями дальнейшего наращивания потенциала этой энергии. Естественно, что Любовь или агрессивность, являясь адаптивными механизмами, проявляют себя в зависимости от ситуаций: например, при возникновении угроз самосохранению чаще включаются защитные агрессивные реакции, а при благожелательном, спокойном окружении – реакции Любви. Неопровержимо научно доказано, что ***чем больше в течение первых лет жизни ребенок погружен в атмосферу любящих отношений, тем больший потенциал энергии Любви он получает и накапливает.*** Сохранение этой тенденции в последующие годы отрочества, юношества и в зрелые годы также способствует увеличению потенциала энергии Любви. Таким образом, воспитание в раннем возрасте формирует личность на всю

оставшуюся жизнь.

Люди, в детстве окруженные заботой родных, наилучшим образом адаптированы к высокому положению в обществе в зрелом возрасте (т. е. они общительны, ответственные, неагрессивны, самодостаточны и потому востребованы).

Воспитываясь в атмосфере любящих отношений матери, бабушки, дедушки, матуш, вук, друзей, я постоянно чувствовал свою значимость, востребованность и не только физический, но и духовный рост и отвечал всем своей Любовью.

Итак, тысячелетний опыт многих народов (не только японцев, эскимосов и, конечно, крестьян-бессарабцев) свидетельствует о том, что наилучшие результаты воспитания детей проявляются в атмосфере Любви (в том числе, при отсутствии жестких запретов и наказаний, дружелюбии, миролюбии и терпимости) и широкой свободы действий ребенка, особенно, в раннем младенческом возрасте.

Поэтому, несомненно, одним из главных условий реализации педагогики, которую мы называли *педагогикой любви*, является **свобода выбора и формирования у воспитуемого общечеловеческих ценностей, а также свобода собственного поведения в рамках действующей социальной системы и окружающих условий**, особенно в первые годы жизни. При этом предполагается, что в ходе социализации воспитуемый последовательно осваивает общепринятые

социальные нормы и правила и формирует собственное рациональное поведение, адекватное потребностям социума.

Джезказган

В Молдавии очень трудно было найти работу даже простым разнорабочим, и я решил завербоваться. Пошел в горком комсомола и попросил направить меня на работу куда-нибудь в дальние края. Симпатичная девушка, секретарь горкома, по фамилии Будник выдала мне красную книжечку, комсомольскую путевку, и отправила в вербовочную контору.

– Там, – сказала она, – тебя определяют на работу, выдадут подъемные и доставят к месту назначения.

Было начало октября 59-го. И уже через несколько дней вместе с такими же горемыками и искателями приключений я трясся в расхлябанном и скрипучем, как несмазанная молдавская каруца, вагоне на пути в Кишинев. А еще через неделю, проехав длинный путь через полстраны, оказался на стройке в Казахстане, которая называлась «ударной». Мы, вербованные, прибыли в довольно известный в 50-е годы, но забытый Богом, партией и правительством, городишко в неприютной каменистой степи. Покрытый густой, постоянно хрустящей на зубах серой пылью, городишко назывался Джезказган. Он был плохо обустроен и густо кишел многонациональным сбродом, по большей части, к сожалению, нетолерантным и недружелюбным. Добровольцев из Молдавии, или попросту – «сук вербованных», как нас сразу окрестили

местные, поселили в поселках Кенгир, Никольском и Центральном, которые считались составной частью Джезказгана.

Начались трудовые будни, которые проходили в однообразном рабском напряжении, а выходные — в вязком безделье и редких плебейских развлечениях.

Год, прожитый в тех местах, оставил на моем романтическом организме несколько чувствительных отметин на всю оставшуюся жизнь.

Рассказ о «За черным окном — море тюльпанов» повествует о событиях 59–60-го годов в Джезказгане.

За черным окном – море тюльпанов¹

Рассказ

1959–1960

Работали мы с дружкой Мишей Рошкованом в поселке Желдор. Почему поселок так прозвали, было неясно: кроме старой узкоколейки, построенной еще зэками ГУЛАГа, здесь не было ни станции, ни нормальной дороги. По узкоколейке изредка проходили игрушечные поезда с малюсенькими платформочками, доверху наполненными серой-зеленой массой медной руды и ведомыми пыхтящими паровозиками.

Наше строительное управление «Шахтжилстрой» находилась в конце поселка. Я работал каменищиком в одной из строительных бригад, Мишка – плотником. В рабочие дни нас к 8 часам привозили на объекты в будках «мазов», а вечером в 17 часов увозили к месту ночевки: кого в поселок Никольский, а нас с Мишкой в Центральный

¹ Всё, описанное в рассказе «За черным окном – море тюльпанов», опубликованном ранее, происходило в действительности. Изменены имена.

День начинался солнечно, с мягкой весенней прохладой.

– Сегодня, студент, твоя очередь дежурить на приёмке шлакоблока, – объявил во время утренней разрядки бригадир Карнаухов.

– Слушаю и повинуюсь, – ответил я. Мне была вручена красная тряпочка, и я стал прилаживать её на рукав своего замызганного комбинезона.

Всё шло привычным чередом. Наша бригада вела кладку домов. Время от времени мы выполняли также земляные, бетонные, плотницкие работы и строили не только жилые дома, но и трансформаторные будки, и непонятного назначения огромные сараи. Обычные дела. Обычная стройка, каких много, с привычными серыми буднями и неустроенностью, с малоквалифицированным вербованным человеком и хитровато-жуликоватым начальством, с вечными задержками материалов, нехваткой механизмов, матерщиной и повышенными сверхамбициозными сообязательствами, а, стало быть, – и с неизбежными авралами (без которых, конечно, – никак!), приписками и всеобщим убеждением, что без них, липовых приписок, вообще народ разбежится и стройка остановится, с лживыми обещаниями ликвидировать недоделки и всплесками стихийного народного героизма ... Всё как везде.

К весне за бригадой оставалось два дома. На первом мы заканчивали шлакоблочную кладку третьего этажа, на вто-

ром были уложены всего два этажа. Вдоль домов нами были проложены рельсовые пути, по которым ходил башенный кран.

Была, однако, на первом доме одна явная, бросающаяся в глаза, неустроенность — не были установлены лестничные марши: их по какой-то причине вовремя не поставил железобетонный завод. И потому три лестничных проёма зияли опасными пустотами с высоты третьего этажа до подвала. Но это ещё полбеда — ну, не успели, всякое бывает. Худо было другое: подмости были выставлены вдоль стен по всему периметру, сплошняком, без разрывов. И над пустотами лестничных проемов — тоже. Никаких ограждений опасных зон никто и не подумал выставлять.

И все свыклись с тем, что есть.

Однако за эту неустроенность пришлось заплатить дорогую цену. Причем — именно мне.

Наше звено, человек двенадцать, работало на этом доме. Все разошлись по рабочим местам. Работяги по шатким деревянным лестницам (бетонных-то не было) поднялись на третий этаж.

Мы с напарником, дядей Василием, влезли на подмости и стали ждать подачи клетей с блоками и бадей с раствором.

— День сегодня хороший, — сказал дядя Василий, доставая из кармана телогрейки мешочек с махоркой и нарезанными листами газеты. — Мне прислали из дома посылку с сушеной

вишней и самосадам.

– Хорошо тебе ... У вас под Оргеевым растет добрый табачок.

– Растёт. Самосад получился ядрёный ... Закуришь?

– Давай, дядя Вася.

Мы свернули по толстой сигарке и задымили.

С высоты, на которой мы находились, хорошо просматривалась казахская степь далеко до горизонта. Снег давно сошел, даже не сошел, а его выдуло сумасшедшими весенними ветрами, и растительность пока несмело островками начала зеленеть среди бескрайних серых просторов. Всё вокруг пребывало словно в ожидании важных изменений, которые вот-вот должны произойти.

– Дома, наверно, сады цветут, – вспомнил старик нашу родину.

– Да, самое время, – откликнулся я. – У тебя, дядя Вася, много родни осталось в Молдавии?

– Нет. Я бобыль ... Жену похоронил давно, она от водянки умерла. Сыну оставил дом. Пускай женится, заводит семью. А сам я, пока есть сила, поехал на заработки.

– Не думаешь жениться?

– Куда мне? – отмахнулся дядя Василий. – Какой из меня жених?

– А сколько тебе?

– Пятьдесят один.

В свои без малого двадцать лет, я представлял себе дядьку

Василия глубоким старцем, а то, что он на самом деле еще вполне крепкий мужчина, мне в голову не приходило.

— Правда, — раздумчиво произнес мой земляк, — тут одна бабенка в последнее время посматривает на меня. Вроде бы с интересом. Может, что и сладится.

— Ты, дядя Вася, хоть и старый, но мужик хоть куда. Так что женись, не раздумывай.

— Ну, ну.

Я вспомнил, как началась наша совместная деятельность.

Еще в Кенгире, в конторе треста, при оформлении вновь прибывших на работу уполномоченный спросил меня, какой строительной профессией я владею. Поскольку я ни дня в своей жизни на стройке не работал, то немного замешкался с ответом. Уполномоченному, однако, некогда было разводить тары-бары: вербованных комсомольцев и некомсомольцев прибыло девяносто четыре человека, и всех надо было определить к делу.

— Ну! Так какой профессией? — жестко повторил вопрос начальник.

Раздумывать было некогда.

— Каменщик. Я каменщик.

— Разряд?

— Пятый, — совсем растерявшись и потому отчаянно нагляя, добавил я.

— Образование?

– Среднее, и два курса университета.

За мной в очереди стоял угрюмый молдаванин, по виду дед, очень худой, с изможденным небритым лицом и висячими сивыми усами, в старой засаленной телогрейке, из которой торчали большие, как лопаты, корявые черные ладони.

– Фамилия, имя? – спросил деда уполномоченный.

– Урсул, Васыле.

– Профессия?

– Каменщик.

– Разряд?

– Четвертый.

– Образование?

– Два класса румынской школы.

Через день после устройства на жительство и выдачи спецодежды: комбинезонов из грубой хлопчатобумажной ткани, ватников, валенок и верхонок, – всех вербованных повезли на строительные площадки. Я надеялся, что на объекте с ними проведут какой-нибудь инструктаж, возможно, курс молодого каменщика, дадут разъяснения. Но ничего такого и в помине не было. Я попал в бригаду, которую возглавлял молодой, лет тридцати, высокого роста, мордастый парень в выцветшей гимнастике. Звали его Петро Гребенюк. Коверкая фамилии новичков, бригадир распределял задания:

– Студент и Урсулов, пойдете на объект 843 – сарай. Вон он, – показал бригадир пальцем, – рядом с конторой.

Инструмент, мастерки и лопаты, получите у кладовщика. Раствор и шлакоблоки скоро подвезут.

Ещё раз, взглянув в бумажку-список, Петро добавил:

– Старшим назначаю студента, подсобником – Урсулова... Да, чуть не забыл: после разрядки подойдите ко мне и распишитесь, что прошли инструктаж по технике безопасности.

Так, неожиданно для себя я был назначен на конкретный объект. Да ещё и старшим.

Вот это вяпался, подумал я и побрел на объект 843 в полной прострации, как приговоренный к публичному битью розгами. Главный позор, предполагал я, не в том, что бить будут, а в том, что публично сдернут с тебя штаны.

Я ожидал разоблачения и последующего позора.

Но всё обошлось. Оказалось, не все каменщики имеют липовые разряды: у деда, дяди Васи, разряд был небольшой, но настоящий: он с десятков лет пробатрачил на стройках.

Старик спокойно показал, как натягивать шнур, как выравнивать ряды блоков, как лопатой накладывать раствор, как пользоваться мастерком. Потом он научил, как пользоваться отвесом и выводить углы. Позднее объяснил, как устраиваются связи между стенами, как делать штрабу и многое другое. Он был первым наставником Павла в каменщицком деле.

На следующий день Павел раздобыл в библиотечке стройуправления потрепанный «Справочник молодого каменщи-

ка» и основательно проштудировал. Дело пошло.

– Помнишь, дядя Василий, как мы с тобой строили сарай
843?

– Помню. Ты был тогда совсем зеленый, ничего не знал, но кладку освоил быстро.

– Всё благодаря тебе. Не будь тебя, я бы пропал...

Время шло, а работы всё не было. Кран стоял. Люди ждали.

Остальные члены нашего звена четырьмя группами расположились в разных местах на подмостях. Кто курил, кто анекдоты травил.

Такое у нас часто бывало: стройматериалы, особенно раствор, подвозили нерегулярно. Где-то в конторе наш бригадир, наверное, сидит на телефоне, переругиваясь то с трестовским диспетчером, то с раствором узлом, то с автоколонной.

В первое время я не всегда успевал принаравливаться к различным заданиям. Как-то в разгар рабочего дня бригадир Гребенюк пришел к сараю, на котором работали еще двое каменщиков, и велел мне с напарником идти на другой объект для выполнения срочного задания. Петро раскрыл отсинькованную карту микрорайона и показал:

– Вот этот дом. Это как раз напротив столовой. Обь-

ект сдаточный, но там наша недоделка. Надо пожарную лестницу закрепить на стене. Что и как – сообразите на месте.

Мы с дядей Васей набрали по ведру раствора, взяли верёвку, которую нам зачем-то дал бригадир, и понурые побрели к новому объекту.

Сдаточный дом нашли сразу: он выделялся свежей наружной побелкой, но пожарная лестница на нем действительно не была вмурована в стену. Один её конец был привязан сверху к стропилам кровли, другой болтался на уровне второго этажа.

Я залез на чердак и обследовал место привязки лестницы. Там же нашел ещё кусок веревки. Потом ступил на лестницу, которая начала подо мной качаться из стороны в сторону, и сверху спустился до нижних ступенек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.